

15

Сталин и Кондратьев: три встречи и три правды (интеллектуальная гипотеза)

А. И. Агеев

Автор приводит гипотезу, согласно которой Н. Д. Кондратьев был расстрелян не 17 сентября 1938 г., как принято считать, а на четыре месяца позднее, успев написать уникальную работу по экономической стратегии СССР, использованную после И. В. Сталиным.

Ключевые слова: Н. Д. Кондратьев, И. В. Сталин, репрессии, донос, расстрел, наследие, гипотеза.

Жизнь Николая Дмитриевича Кондратьева сама по себе является произведением не менее важным, чем его исчисления по циклам конъюнктуры или разработки по теории предвидения, а также все работы, которые он успел написать, включая то, что мы не смогли прочитать и все то, что мы еще, возможно, сможем увидеть. В этой связи для нас очень важно понять некоторые события жизни Николая Дмитриевича, особенно переломные моменты в его судьбе. Среди последних – почему Кондратьев был арестован, а также когда на самом деле он погиб.

В настоящее время открываются новые документы и новые свидетельства – «рукописи не горят». И для понимания последнего периода жизни Николая Дмитриевича они дают новые факты. Так, у меня еще с момента прочтения «Суздальских писем» возник некоторый диссонанс от того, каков был режим пребывания Кондратьева в суздальском политизоляторе. Как такое могло быть в сталинские времена, чтобы один из принципиальных врагов Сталина, приговоренный к показательному расстрелу, получил столь щадящие, если не сказать комфортные, условия содержания в неволе? Ведь класс, уровень Кондратьева был в сознании Сталина в 1930 г. равен уровню Бухарина!

Речь не о том, так ли это было на самом деле, сравним ли Бухарин как теоретик с Кондратьевым. Речь о том, что в сознании Сталина Кондратьев, Бухарин и Суханов в начале 1930 г. воспринимались как единый центр, противостоящий группе Сталина.

Именно в 1930 г. Сталин задумал осуществить переворот внутри партийно-государственного руководства – «избавиться от всей этой партийной государственной гнили». В этот замысел был посвящен только узкий

круг его доверенных коллег, прежде всего Молотов. В качестве главного противника рассматривалась и группа трех упомянутых фигур. Они воспринимались так не только из-за своих теоретических подходов, но и из-за связей с зарубежьем. А зарубежье – это так называемые спонсоры возможного восстания в СССР, среди которых семейства Нобелей, Гукасов и др. Соответственно вырисовывалась вполне эшелонированная враждебная система. Мы традиционно полагаем, что дело «Трудовой крестьянской партии» определяет основное обвинение в адрес Кондратьева. На самом деле это был трехстепенный сюжет для Сталина, как и взгляды Кондратьева на коллективизацию, вопросы статистики и т. д. Главный мотив, лично отслеживавшийся Сталиным в директивах следствию, которое вели высшие представители ГПУ и позже НКВД – это подготовка к иностранному вторжению с территории Польши и Румынии. В то время это были реальные серьезные и потенциальные противники. Для Сталина вопрос о том, почему они не начали вторжение в 1930 г., стратегически представлялся исключительно важным. У Кондратьева и других его коллег выплывали прежде всего то, состоится ли вторжение в 1930 г., а если нет, то почему и на какой год оно отложено – на 1931-й или 1932-й. Стоит напомнить, что Вторая мировая война началась в 1931 г. на Дальнем Востоке, хотя принято думать, что ее старт – 1 сентября 1939 г., провокация в Глейвице. Таким образом, почти паническое ожидание нападения – не чья-то паранойя, а вполне реальная угроза. По крайней мере, так думать у Сталина были основания. Не исключено, что опыт переживания им этой предвоенной ситуации в 1930 г. и удачного выхода из нее позже, в 1941 г., сыграл свою роковую роль.

Кондратьев в прицел сталинского внимания попадает года за два до ареста, до снятия с поста директора Конъюнктурного института. Тогда появились первые доносы от коллег Николая Дмитриевича. Поначалу Сталин на эти сигналы не обратил внимания, затем дал ГПУ команду проверить их достоверность. А дальше, как и с Н. И. Вавиловым, доносы, справки, биография, «сплетни в виде версий» сложились в необходимый компромат, который занял свое место в палитре запущенных дел того периода – против инженеров, меньшевиков, бывших офицеров и т. п. На фоне «Великого перелома», который сам же Сталин назвал второй гражданской войной, тема «заиграла».

Николай Дмитриевич после применения к нему пыток (это еще не были методы более позднего времени), среди которых – имитация избиения дочери и жены, начал признавать все обвинения, надеясь, помимо прочего, что на абсурдность признаний кто-то в верхах обратит внимание и вмешается. Здесь Николай Дмитриевич рассчитывал прежде всего на Калинина.

Перипетии выбивания признаний им же описаны и проанализированы в 1932 г. в письме руководителям страны. Немногие подследственные и осужденные «враги народа» так поступали. Главное – Кондратьев отказы-

вается от своих показаний. Это письмо – уникальный документ, не менее важный и ценный, чем солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» или шаламовские истории.

Когда Кондратьев попадает из Бутырки и Лубянки в Суздаль, то обнаруживается вообще фантастическая, невероятная, едва ли не райская картина. Он имеет право на два часа прогулок в день, изучает итальянский язык, раз в неделю встречается с женой и дочкой; питание, как пишет сам Николай Дмитриевич, «превосходнейшее»; он имеет право запрашивать литературу из библиотек... Как такое могло быть?!

Ясно, что только по команде высшего лица государства мог быть предоставлен узнику такой режим. Была ли такая команда? И можно ли ее документально подтвердить?

Ответ содержится в «Суздальских письмах» и новейших материалах из сталинского архива, открытых совсем недавно. Обращает на себя внимание тональность переписки Сталина с Горьким. Сначала Сталин просил Горького написать роман, и тот начал писать роман «Сомов и другие» о вредителях разного рода. Но Горький как-то не «зажигается» этой темой, роман так и не получился. Довольно скоро Сталин меняет свою позицию и уже говорит, что «есть подлецы и похлеще этих», тогда как поначалу установка была однозначной: «Кондратьева и еще двух-трех мерзавцев» расстрелять.

Так возник естественный исследовательский вопрос: что же так повлияло на Сталина? Оказалось, произошла личная тайная встреча Сталина с Кондратьевым. И на этой встрече, как мы теперь можем сделать выводы, Сталин убедился, что Кондратьев никакой не враг, а настоящий «ботаник», его можно заставить работать на благо СССР. По сути, ему был создан режим индивидуальной «шарашки».

Николай Дмитриевич действительно за первые годы пребывания в суздальском политизоляторе написал шесть томов новой экономической теории. На сегодня первый из них опубликован, остальные считаются утраченными, уничтоженными в октябре 1941 г., когда готовилась эвакуация суздальской тюрьмы. Мы можем и предположить логику шеститомника – в направлении к созданию «квантовой экономической теории», и сохранять надежду на то, что материалы могли все-таки сохраниться. В любом случае, реконструкция этих томов – серьезнейшая область «кондратьевоведения».

Формат «шарашки», своего рода льготный VIP-режим, продержался, судя по всему, недолго, до конца 1934 г. К июню 1938 г., когда закончился формально срок заключения, Николай Дмитриевич был очень сильно истощенным, измученным, больным. Три месяца он провел в ожидании освобождения. В конце августа его переводят в Москву.

17 сентября 1938 г. Сталин и Молотов утвердили один из последних расстрельных списков. И эта дата считается датой смерти Николая Дмитриевича. Однако сегодня есть основания полагать, что после своего «рас-

стрела» он еще тайно прожил 4 месяца, написав уникальную работу по экономической стратегии СССР.

По всей видимости, дьявольский и по-своему инновационный замысел у Сталина, не забывавшего никого и никогда, возник именно в контексте событий сентября 1938 г., накануне Мюнхенского сговора. Вместо расстрела Кондратьева привезли к Сталину, и тот сделал ему предложение, которое вдохновило Николая Дмитриевича на данный проект.

На Лубянке, в подвале, отказавшись от всех источников и исходных данных, опираясь исключительно на свою творческую силу и эрудицию, Кондратьев подготовил 400 страниц текста. В конце декабря он передает рукопись Сталину. Потом эта работа была расчленена и использована, в том числе для решений XVIII съезда ВКП(б).

Спустя несколько часов после этой последней встречи Николай Дмитриевич был расстрелян. Сталин не собирался его освободить. Однако обещание по поводу жены и дочери выполнил – они избежали тяжелой участи ЧСИР.

Так осуществился уникальный способ сталинского руководства научным творчеством в случае с Кондратьевым. Подобное разнообразие палитры методов и сюжетов велико, они применялись в отношении ученых и писателей, поэтов и конструкторов, военачальников и разведчиков. И сегодня мы гораздо глубже начинаем понимать страшную правду и страшную неправду той эпохи. Была битва своих правд и неправд Сталина и его оппонентов в колоссальном сеансе одновременной игры за существование страны и за ее будущий облик, а не только мотивы удержания власти и таинственной непредсказуемости репрессий. Весь взаимосвязанный, нелинейно устроенный набор мотивов и аргументов необходимо ввести в научное осмысление тогдашних трагических коллизий.

Для нас важно разобраться и в том, как Николай Дмитриевич Кондратьев в последние 8 лет жизни в тюрьмах мыслил, что и как делал, что предлагал и какой оставил завет, возможно, даже более важный, чем знаменитую теорию циклов. Достаточно упомянуть его сказку о приключениях котенка Шамми, в которой конспиративно он поделился своим видением философии времени и эволюции страны, ее героев и злодеев. Исключительно плодотворно и рассмотрение всей матрицы оценок проблем развития страны и мира ведущими мыслителями того времени. Среди них В. И. Вернадский, П. Л. Капица, М. М. Пришвин, К. И. Чуковский и многие другие. Сравнение их размышлений с ходом мысли Кондратьева, лишенного возможности любого общения в интеллектуальном поле, – само по себе необычайно перспективная тема для исследований. И тема эта отнюдь не архивного свойства, а весьма злободневна. По существу, необходима третья реабилитация нашего великого соотечественника и его полное присутствие в нашем научном наследии, равно как и опыте пережитого на пути к лучшей жизни.